

180. [Мужъ, обращенный собакой].

РАЗСКАЗЪ.

Въ нѣкытырамъ мѣсти (эта была въ старинѣ) зжила адна вдава, у этай вдавѣ какъ глазъ ва лбу была адна дочька, ва дномъ съ нею мѣсти зжила также другая вдава съ сынамъ, и савѣтавали ані съ сваймъ сынамъ: „а игдѣ намъ, сынѡкъ, взять дли тибѣ нивѣсту? вазьмѣмъ Морькю“ (Марфу).—„Кајо?“ гварить сынъ.—„Да вонъ тамъ, гварить мать, какъ бишь на Маскјовскѡмъ канцѣ, у энтай вдавѣ-вѣдьми, кажись, дѣвка такая шѣстрая, угодница, хыть кудѣ“. Вотъ взяли ихъ и обвинчали, какъ слѣтъ лѣжить; вѣдьма аддала маладымъ новинькѡй свой домикъ, а сама асталась въ старай избѣ. Вотъ ети маладыя стали зжить да пазживѣть и анабы харашо, ды ета маладая угарѣздилась, какъ ејо мать, литать ва трубѣ, абарачиватца волкамъ. Бывала, какъ придетъ ана къ мужу, а онъ, глять, анъ — ана вся въ грязи и въ сыпухѣ измазана. Вотъ онъ билса, билса съ ней, а послѣ этава давай ејо катать каждой день. Вотъ эта жинѣ нелюба стала, взяла и пабижала анѣ къ сваей матери жалитца: „мамушка, любезница, мине мушъ всјо бѣтъ, житѣя атъ невѣнѣту, пришлось хуть въ осель лесъ“, гварить маладая.— „Ахъ, онъ шельма ѣдакая, не удобнай—што ета онъ уродая съ табой (гварить вѣдьма), ну-ка, призави ево суда ка мнѣ, мы тутъ на нево пасматряимъ, полна ему блажничать“. Жина приходя, мужу дакладая: „пайдѣмъ-ка, друхъ милай, къ мамушки въ гости“. Зять къ тѣсши прихѡдя. „Здарова, матушка“, гварить онъ. „Здарова, дититкѣ, здравствуй, гость нибывалай, садись за столъ, будишь гость“, гаварить тѣсша. Зять, памалјомши Богу, сѣлъ и начилъ ѣсть блины; папрашалъ этатъ зять напитокца. „Дай, гаварить жинѣ, Марфа, напитокца!“—„Што иму, мамушка, испить“, гаварить дочь.— „Ну-ка, кравезница, малоденькева кваскю, на падай“, гаварить дочери. Зять перехрестјомши испилъ, а аливки па-

далъ жинѣ; жина взяла, да какъ вдрухъ шастнить ему въ глаза; татчасъ онъ абратилса сабакай и пабежалъ нивѣсть куда. Вотъ онъ бижалъ, бижалъ и приближалъ къ мельницы и жилъ тамъ цѣлыи три года. И ужасна етай сабаки мельникъ былъ рать, кармилъ, пайлъ еѳо за сваиво дѣтисша. Да и эта сабака была мастирица хать куда; бывала, какой паѣдя, а зы памоль не платя, ана ни спущаить сы дварѣ, вотъ едакъ рвѣтъ мужика да и пѳлна; мельникъ станя спрашать, онъ ни аддалъ зы памоль. Аднажда прѣзжаить купецъ на евту мельницу малоть пшиницу и спрашаить мельника: „гдѣ ты, братъ, взялъ ету сабаку?“—„Сама приближала. Какая, говарить мельникъ, ета сабака; ну пра, и гаварить нечева: ни за што ни пустя са двара ни заплатѳомши зы памоль“. Купецъ, пасматремши на ету сабаку, да и давай еѳо таргавать. Таргавалъ, таргавалъ да и старгавалъ за двыдцать рублѣвъ. Привѣлъ еѳо дамой и посадилъ въ лавку. Вотъ сидить ана въ лавки, карауля; зжила ана у купца такжа цѣлыи трѳ гыда. Бывала, кто придя пакупать въ лавку и принесетъ хѳальшивыи деньги, она татчасъ ихъ аддвигаа, а ушъ — онъ и смѣкай, што деньги ни вазмутъ. Наканецъ, дальши — больши; ушъ эта сабака стала на щатахъ рацитатца, дастъ ли кто нибуть читвиртакъ иль цалковой, ана даѣтъ сдачи, што нада, и сама свирнѣтца на стули, какъ нигдѣ ни была. Вотъ и пашолъ слухъ объ едакой веспѳи. Што за штука? гаварять, сабака таргаваить въ лавки, — ни гаразда гутарить, а то ни уступя мужику.

Вотъ пришла въ ету лавку старуха (ана ѣтаму дѣлу карѳтка знала, што ета ни сабака, а испорчинай чилавѣкъ). „Пайдѣмка, друхъ, са мной“, гаварить старуха, и привила еѳо дамой, взяла да и спрыснула вадой. „Пади-ка, галупчикъ, гаварить онѣ, вотъ на ету постелю усни, пѳлна тибѣ мучитца“. Три днѣ и три ночи спала эта сабака и стала настоясшѳй чилавѣкъ. „Ступай жа тинерь ты дамой, атмести сваѳой жинѣ ету хлѣбъ-соль, штобы и ана утѣрлась етай ширинкай, пади, папраси у неѳо напѳтца, а апивки выплисни въ глаза“. Онъ пашолъ, сдѣлалъ, какъ вѣдьма вѣлѣла. Вдрухъ жина абратилась кабылицай и типерича ходя по бѣлѣу свѣту.